

Т.В. Сафонова

НЕПОНИМАЮЩАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ИСТОРИИ ИЗ ЖИЗНИ ЭТНОМЕТОДОЛОГОВ*

В статье на примере случаев из исследовательской практики этнометодологов рассматриваются три базовые стратегии исследования, которые определяют специфику этой дисциплины, — самонаблюдение, проблематизация и требование адекватности, предъявляемое методами. К сожалению, большинство сторонних наблюдателей недооценивают или неправильно интерпретируют требования, которые этнометодология как система предъявляет к своим практикам. Тот факт, что Гарольд Гарфинкель учился у Толкотта Парсонса, часто приводит к ложному выводу о преемственности и включенности этнометодологии в традицию понимающей социологии Макса Вебера. Все эти недоразумения препятствуют развитию данной дисциплины в России.

В данной статье я постараюсь осветить наиболее важные и характерные черты дисциплины, известной под названием «этнометодология». В социологическом сообществе сложился прочный стереотип, связывающей этнометодологию с понимающей социологией и с микросоциологическими исследованиями повседневности. Несмотря на неоднократные опровержения и попытки донести уникальность своего метода, этнометодологам так и не удалось отмежеваться от этого образа. На практике же это отмежевание — уже свершившийся факт, и сейчас можно говорить об этнометодологии как об отдельной дисциплине со своим набором авторитетов, методов, журналов и учебных программ. Процесс становления этнометодологии как отдельной специальности уже был предметом исследований**, поэтому я здесь опущу этот вопрос. Статья адресована всем российским социальным ученым, разделяющим традиционные стереотипы, с целью привлечь внимание и интерес к столь бурно развивающейся и многообещающей дисциплине.

Научное систематическое изучение обстоятельств человеческой деятельности по своей форме похоже на расследование, поэтому мы можем сравнить его со стратегиями сыщиков при расследовании убийств. Литературный жанр детектива породил детальное рассмотрение всех возможных техник работы с материалами дела. Классический сериал Артура Конан-Дойля о приключениях Шерлока Холмса и Доктора Ватсона предоставляет нам богатые

* Автор во многом обязана профессору Йоргу Бергманну, который открыл ей мир этнометодологии.

** См., например, весьма полезное исследование Николаса Муллинса (Mullins 1973).

возможности для сравнения. Если здесь можно проводить какие-либо параллели с социальными учеными, то инспектор Лестрейд предстает веберийцем, Доктор Ватсон — социальным антропологом, а Шерлок Холмс — этнометодологом. Стратегия инспектора Лестрейда по своей сути намного более научна, нежели стратегия Шерлока Холмса, хотя последний постоянно упоминает о якобы традиционно научном характере своего метода*. Инспектор Лестрейд сначала строит гипотезы, а затем систематично собирает материалы, которые могли бы доказать или опровергнуть их. Он исходит из теории интересов и мотиваций, которые определяют человеческое поведение. Социолог поступает аналогичным образом, когда разрабатывает проект исследования и высказывает гипотезы, а потом собирает материалы методом интервью или анкетирования для того, чтобы подтвердить их или опровергнуть.

Доктор Ватсон ведет дневниковые записи и излагает ход дела как сторонний наблюдатель. Он подобен антропологу, который также выдвигает гипотезы по ходу изложения и также по ходу изложения отказывается от них в свете новых данных, стихийно развернувшихся перед ним. На протяжении всего расследования Ватсон постоянно что-то пишет: то делает пометки в записной книжке, то составляет отчетные письма Шерлоку из Баскервиль Холла и, наконец, публикует рассказы. Доктор Ватсон, так же, как и все социальные антропологи, постоянно пишущие что-то, находится в плену законов жанра — перо отнимает большую часть сил и волнений, структура текста и композиция захватывают внимание, а основная сюжетная линия отвлекает от множества мелких и незначительных событий. Внимание антрополога привлекают события, доступные его взору, так что часто он вполне намеренно остается лишь зрителем происходящего. Доктор Ватсон также был лишь наблюдателем, без активно вовлеченного в происходящее Холмса ему не о чем было бы писать.

Последний герой, Шерлок Холмс, подобен, с моей точки зрения, этнометодологу, который исследует не столько события как таковые, сколько ищет в их потоке разрывы и неясности. Шерлок Холмс исходит из предположения, что поток происходящего настолько строен и обоснован, что нет ни одной побочной детали и ни одного эпифеномена, никак не встроенного в этот поток взаимообуславливания. Поэтому каждая деталь, указывающая на разрыв в этом потоке, никак на первый взгляд не встроенная в него, является ключом и ниточкой к разгадке, указывающей на незаметный и скрытый от наших глаз ход событий. А поскольку в этом потоке все можно объяснить и вывести как причину и результат чего-то еще, этот поток можно назвать потоком рациональности, постижимости и ясности. Для Шерлока Холмса это элементарно. Для этнометодолога отслеживание отношений взаимообуславливания также является предметом постоянных забот, он также работает с материалами о мире, полном ясности и обоснованности. Все, что люди делают сообща, уже само по себе постижимо и осмысленно, так как иначе эта деятельность была бы невозможна**. Поэтому нам так важно узнать, как они это делают, как мы это делаем и как я как исследователь и одновременно участник ситуации это делаю.

Вовлеченность в такого рода исследовательскую деятельность не предполагает создания артефакта текста отчета, но пополнение багажа систематического фонового знания о мире. Для Шерлока Холмса этим багажом выступал грандиозный склад здравого смысла, которым он владел как обыватель. Кроме прочего, Шерлок Холмс на протяжении всего расследования,

* Его метод не имеет ничего общего с дедуктивной логикой. Невозможность создания дедуктивной логики практического действия доказана Джоном Серлем в его книге «Рациональность в действии» (Серль 2004: 264–294).

** Именно в этом пункте прослеживается особенно сильное влияние Дюркгейма на рассматриваемую научную традицию. В некоторые моменты этнометодология походит на некий вариант гиперфункционализма, настолько буквально она трактует знаменитый афоризм Дюркгейма о социальном факте.

пользуясь своим богатым фоновым знанием, постоянно блефует, пренебрегая возможными изменениями в контексте исследуемой ситуации. Например, зная, что единственное место в Лондоне, где клиентам завязывают шнурки на ботинках — это турецкие бани, и заметив, что у Ватсона ботинки завязаны не так, как обычно, он, пренебрегая всеми возможными альтернативами, берет на себя смелость предположить, что Ватсон был в турецкой бане. Он оговаривается, что сразу отбросил возможность, что миссис Ватсон завязывала своему мужу шнурки. Но если подумать, можно вообразить огромное количество ситуаций, в которых Ватсон мог прибегнуть к посторонней помощи в таком вопросе, да и, в конце концов, сам Ватсон мог завязать шнурки иначе. Тем не менее, Шерлок Холмс делает вывод, основанный на здравом смысле и знании локального контекста и полной уверенности в знании этого контекста. Холмс даже не допускает мысли, что за время его отсутствия в Лондоне могло открыться новое заведение, предлагающее завязывать шнурки своим клиентам. В этом пункте Шерлок Холмс и этнометодологи расходятся. Позволить себе роскошь постоянного блефа и опоры лишь на здравый смысл они не могут, так как на полное владение контекстом ситуации не претендуют. Корпус этнометодологических исследований направлен на создание базы научного фонового знания о социальной реальности, каждое этнометодологическое исследование — это очередной взнос в этот фонд. Ученые-этнометодологи поэтому связаны узами взаимных ссылок, но природа этих ссылок совершенно отлична от природы традиционных ссылок в научных текстах. Здесь каждое упоминание об исследовании коллеги — не просто ссылка на авторитет или же концепцию, опровергаемую или поддерживаемую автором. Это не результат участия в диспуте и не прием доказательства. Когда Эммануил Щеглофф ссылается на Гарфинкеля и на Харви Сакса, тем самым он включает в исследование своего феномена феномены, описанные Гарфинкелем и Саксом.

Таким образом, ссылки на этнометодологов вне контекста этнометодологического исследования чаще всего неоправданны и некорректны. Именно вследствие этих ссылок на свет появилось огромное количество заблуждений и иллюзий по поводу этнометодологии. Здесь, пожалуй, пример с журналом «Этнометодология»* будет смотреться как некий анекдот, но, тем не менее, показательно, что ни с одной другой дисциплиной и научной школой таких казусов не происходило. Ссылки на кризисные эксперименты Гарфинкеля, например, являются довольно частым атрибутом статей по социологии повседневности и по методологии и использованию эксперимента в социальных науках. Между тем, так называемые кризисные эксперименты не были материалом исследования, это были упражнения, направленные на стимуляцию самонаблюдения, первого этапа этнометодологического исследования, о котором речь пойдет ниже. Показательно, что мало кто из цитировавших пытался осуществить данный эксперимент самостоятельно, а именно на это были направлены усилия Гарфинкеля. Активное вовлечение своего селфа** как поставщика необходимых самонаблюдений полностью игнорировалось учеными-не-этнометодологами, в результате этнометодология воспринимается как подход к изучению повседневности как таковой. Между тем повседневность в таком контексте — это лишь альтернатива макроуровню и исследованию макроструктур. Проблема же синтетического соединения исследований макро- и микроуровней и попытки решения этой проблемы (теории Гидденса и Бурдьё) совершенно не касаются этнометодологии, а аллюзии с микросоциологией искусственно навязывают этнометодологии эту проблему.

* Журнал выходил в 1990 г. (издательство Путь, Москва). В этом журнале не было опубликовано ни единой работы по этнометодологии, а авторы и члены редакции до последнего были уверены, что этнометодология — это наука об этничности.

** self — собственная личность (англ.)

В данной статье на примере трех историй я постараюсь продемонстрировать три основные линии поведения, которых придерживаются этнометодологи в своих исследованиях. Политики самонаблюдения, проблематизации и адекватности методов определяют специфический взгляд этнометодолога на социальную реальность и его способ интеграции в более широкое научное сообщество. Первая история будет про роль самонаблюдения в этнометодологии. Замечу, что оно методологически важно и является такой же исследовательской процедурой, как включенное наблюдение или анализ документов. К сожалению, несмотря на то, что в самой известной книге по этнометодологии (Garfinkel 1967) о важности самонаблюдения говорится практически в каждой главе (например, история с кодификацией историй болезней), признание этнометодологии в качестве возможной исследовательской перспективы не ведет к признанию процедуры самонаблюдения как научной и объективной*. И, тем не менее, именно эта процедура является первым и самым важным шагом в данном подходе.

История такова. Как-то раз Харви Сакс зашел в гости к Гарольду Гарфинкелю и поделился с ним своими последними переживаниями по поводу этнометодологии. Этот важный эпизод был описан в совместной статье Гарфинкеля и Видера (Garfinkel 1992), а затем в монографии Гарфинкеля (Garfinkel 2002). Последнее время Харви Сакс стал замечать, что, бродя по улицам Лос-Анджелеса и глаза по сторонам, он классифицирует предметы, встречаемые им на своем пути, на две группы, «possessibles» и «possessitives». Тирада Сакса заключалась примерно в следующем: «У меня есть различие на “притязательности” и “притяжательности”. Под притязательным я буду иметь в виду ЭТО; заодно я буду иметь в виду вот что; я буду иметь это в виду на момент, необходимый, чтобы узнать от других, быть наученным ими, о чем же я в действительности говорю: Вот ты идешь по улице; и что-то видишь; это выглядит привлекательным; ты бы хотел это иметь; и ты видишь по самой вещи, которую хочешь, что ты можешь ее иметь. Ты ВИДИШЬ это по самой вещи. В то время как если сравнить: Ты на улице; ты видишь что-то привлекательное; ты бы хотел это, но, смотря на вещь, которую ты бы хотел, ты видишь, что не можешь ее иметь. Ты ВИДИШЬ, что она принадлежит кому-то другому. Я буду это называть “притяжательность”»**. После такого заявления Харви Сакс запретил своему другу как-либо комментировать открытое различие и давать какие-либо определения. Харви Сакс мотивировал это тем, что он и сам как ученый может без проблем пойти в библиотеку Калифорнийского университета и найти там кучу определений и даже дискуссию по поводу такого различия, но это совсем не то, что он хочет. В его планы входило найти такую группу людей, ежедневную практику которой составляло именно такое различие. А поскольку это была бы их постоянная повседневная работа, они могли бы и умели научить Харви Сакса, что же он открыл в себе. С этими словами Сакс вышел из кабинета Гарфинкеля.

Через некоторое время он появился снова и сиял довольной улыбкой: ему удалось найти такую группу. В Лос-Анджелесе в обязанности патрульных групп входит постоянный мониторинг улиц на предмет брошенных машин. Полицейские должны постоянно, на основании внешнего вида припаркованных машин, решать, брошены они или нет. Если брошены, то необходимо вызывать эвакуатор и забирать машину, если же нет —

* О проблеме соотношения субъективного и объективного в этнометодологическом исследовании см. (Have 2002).

** «I have a distinction between “possessibles” and “possessitives”. By a possessable I’ll mean THIS; I might as well mean this; I’ll mean this for the time being with which to learn from others, by having them teach me, just what I’m really talking about: You’re walking down the street; you see something; it looks attractive; you’d like to have it; and you see of the thing, that you’d like to have, that you can have it. You SEE that of the thing. As compared with: You’re in the street; you see something attractive; you’d like to have it, but seeing the thing you’d like to have you see about it that you can’t have it. You SEE it belongs to somebody. I’ll call that a “possessitive”» (Garfinkel 1992: 185).

достаточно только приклеить ярлык. Сакс провел исследование и научился у своих информантов-полицейских своему открытию. Дело было в 1963, а в 1972 г. Сакс написал статью «Записки об оценке морального характера полицией» (Sacks 1972), в которой речь шла о более общих вопросах приемов категоризации, к которым прибегает полиция. Так что эта история, возможно, стала началом так называемого анализа участвующей категоризации (membership categorization analysis).

Но нас здесь интересует, прежде всего, статус самонаблюдения, его роль в этнометодологическом исследовании. Харви Сакс начал с подробного самонаблюдения, с поиска непонятого в собственном внутреннем мире. Точно так же, как Шерлок Холмс, он искал разрыв в потоке рациональности и обоснованности. Различение на «притязательности» и «притязательности» требовало объяснения. Зачем оно нужно и что это такое? Сакс как этнометодолог не мог просто так принять мысль, что это категории, случайно завалывшиеся в его сознании. Эти категории не могли быть простым эпифеноменом, они были зацепкой, которая могла помочь выйти к скрытому от нашего взгляда феномену сознания и человеческой деятельности. В рамках собственного опыта человек может претендовать на овладение максимально доступным ему контекстом, так что самонаблюдение — это самая лучшая стартовая точка для расследования. Но, к сожалению, самонаблюдения не достаточно. И Саксу понадобились эксперты, люди, которые были бы наиболее профессиональны и опытны в использовании исследуемого различения. Ему понадобилось посмотреть со стороны на явление, изначально найденное в себе самом. Такая логика развития этнометодологического исследования крайне распространена, если не универсальна.

Вторая история произошла с Гарольдом Гарфинкелем. С самого начала тексты Гарфинкеля были очень сложно написаны, в каждой последующей статье он усложнял форму. Делалось это намеренно, так как его тексты были не только этнометодологическими, они были пособиями по этнометодологии. Читая статью Гарфинкеля, вы не просто знакомитесь с новым фоновым знанием, добавленным в копилку этнометодологического запаса, вы еще и упражняетесь в самой этнометодологии. Вы учитесь самонаблюдению и проблематизации знакомых и привычных феноменов. Эта черта его текстов делает их центральными для самой этнометодологии и самыми важными для презентации этнометодологии в широких кругах: ведь прежде чем познакомиться с этнометодологическим текстом и адекватно принять его содержание, необходимо стать этнометодологом. Гарфинкель имеет дело со слишком опытным читателем, который уже с младших классов утратил способность проблематизировать это занятие. Тома по социологии, прочитанные в колледжах и университетах, укрепили в нас привычку быстро узнавать профессиональный жаргон в тексте и скользить глазами по страницам, не зацепляясь за слова. Одним из приемов, заставляющих читателя научиться читать заново, являются слова с астерисками — знаками сноски (*). Гарфинкель заставляет читателя по несколько раз на странице сталкиваться со знакомым словом, требующим проблематизации. Например, такое слово, как «порядок», уж куда проще и яснее, но Гарфинкель в некоторых случаях ставит астериск и проблематизирует его содержание в сноске (Garfinkel 1988). «Когда в данной статье слово порядок* написано с астериском, тогда и только в таком случае я использую его как удобный заместитель. Я использую порядок* как маркер, экономящий место для обозначения любой из бесконечных тем из интеллектуальной истории, говорящей о логике, цели, причине, рациональном действии, доказательстве, идентичности, значении, методе, сознании и остальном. Любая из тем, для которых порядок* заместитель, должна читаться с дополнительным суффиксом: (порядок*)-в-и-как-деятельности-обычного-общества. Затем тема порядка* должна пониматься как говорящая о феномене порядка*, практическом достижении. Когда порядок написан без астериска, это слово используется в текстуально подходящем словарном или

техническом значении» (Garfinkel 1988: 103). Такие запинки постоянно сопровождают читателя.

Запинки эти могли бы показаться мелочью, подобной неприятному жужжанию комара, но на них держится метод. Бессмысленно, не мысля этнометодологически, просто читать этнометодологические статьи, хотя они порой написаны весьма литературно и совершенно не заковыристо. Школа Гарфинкеля и его неудобоваримые тексты — это этюды и гаммы его системы. Поэтому для него так важен смысл каждой детали. В 1988 г. в заглавии только что упомянутой статьи Гарфинкеля появилось слово *quiddity*. В течение всего текста больше оно не упоминалось ни разу. Сочетание *essential quiddity of the immortal ordinary society* звучит несколько странно: *сущностная квинтэссенция бессмертного общества*. «Quiddity» по-английски, кроме квинтэссенции, обозначает сущность чего-то, что делает эту вещь ею самой и отличной от других. Под бессмертным обществом подразумевается дюркгеймовский концепт социальной организации, существующей до того, как индивид включается в участие в ней, и после того, как индивид выбывает из нее. Самым простым примером проявления такого бессмертного общества является очередь, которая существует до и после того, как мы в ней отстояли*.

Слову *quiddity* уделяется значительно больше внимания в 1992 г. в совместной статье Гарфинкеля и Видера. Всплыло оно в связи с исследованием профессий или занятий. Чтобы иметь возможность исследовать специфику — квинтэссенцию или «именно-это-есть» — которая составляет конкретное занятие, исследователь должен развить действительно глубокую компетенцию в нем. Это правило называлось «требование уникальной адекватности методов»**. В сущности, это было продолжением логики Сакса, требующей максимально возможного погружения в контекст изучаемого на стороне (на следующей стадии после самонаблюдения) феномена. Но окончательной кристаллизации термина не случилось, иначе это была бы не этнометодология.

В 1996 г. появляется статья «Обзор этнометодологической программы» (Garfinkel 1996), в которой Гарфинкель также использует астериски, но везде, где речь идет о бессмертном обществе, он использует уже не знакомое нам слово *quiddities*, а новое *haecceities*. Слово *haecceity* является синонимом слова *quiddity*, но означает так называемую *этость* («thisness»), т. е. качество быть здесь и сейчас. Гарфинкель говорит о том, что бессмертное общество доступно нам как «скопления *haecceities*». Перемена термина никак не комментируется в данной статье, хотя подчас она нарочито бросается в глаза, т. к. используется методично и точно в тех же оборотах, в которых раньше было *quiddity*. Что же произошло?

Эта загадка сохранялась еще некоторое время, пока в 2002 г. не была издана книга Гарфинкеля «Этнометодологическая программа: разрабатывая афоризм Дюркгейма» (Garfinkel 2002), которая состояла из записей, лекций и статей, не публиковавшихся ранее и отредактированных Анной Роулз. Кстати, последняя является одним из самых известных комментаторов Дюркгейма***. В этой книге Гарфинкель объясняет, почему он отказался от термина *quiddities* в пользу *haecceities*. Оказывается, используя первый термин, Гарфинкель поначалу не замечал его значения стационарной сердцевины. Исследования профессиональных занятий постепенно привели к тому, что главный термин стал противоречить самому подходу. Этнометодологи занимались подвижными и динамичными

* Этот пример очень любим этнометодологами и в силу своих дидактических достоинств он кочует из одного учебника в другой, напр. (Livingston 1987).

** «The unique adequacy requirement of methods», т. е. требование уникальной адекватности, которое выдвигается самими исследовательскими методами (Garfinkel 1992: 175–206).

*** Гарфинкель часто ссылается на ее работы, см. в частности статью (Rawls 1996).

переживаниями мира, которые, тем не менее, были организованы в рамках упорядоченного и бессмертного общества. Гарфинкель много дискутировал о возможности порядка как такового на уровне действительных конкретных вещей с Парсонсом и его последователями, которые отрицали возможность такого порядка в связи с непредсказуемым стечением детальных обстоятельств, определяющих ход событий. Гарфинкель участвовал в этой дискуссии под девизом: *Есть порядок в пленуме**. Новое слово *haecceities* позволило ему утверждать наличие порядка, а следовательно, и возможности исследовать его, на уровне повседневных конкретных событий, в которых нам как участникам бессмертного общества доводится участвовать.

Здесь закон жанра рассказа требует от меня некоторой морали или заключения. Проблематичность текстов, заключающаяся в сложности и витиеватости, запинках и педантичном отношении к словам — есть намеренное и систематично воспроизводимое последствие этнометодологического метода. Эта сложность текстов сыграла как положительную, так и отрицательную роль для этнометодологии как дисциплины. С одной стороны, ее приверженцы остались в меньшинстве, и она не стала популярной и модной наукой, с другой, качество ссылки на этнометодологический текст всегда довольно очевидно, поэтому здесь не произошло размывания границ дисциплины. И, несмотря на очень активное заимствование из нее**, этнометодология остается сама собой и продолжает накапливать свой корпус опроблематизированного фонового знания.

Последняя история будет о Дэвиде Садноу, который также был очень дружен с Харви Саксом и Гарольдом Гарфинкелем. Они, подобно трем мушкетерам, защищали честь молодой этнометодологии на Симпозиуме в университете Пурду в 1968 г. (Richard 1968). В начале семидесятых Дэвиду Садноу доверили деканство факультетом социологии в одном из только что открытых университетов. Как-то раз на собрании деканов ректор университета спросил, какое оборудование необходимо новым факультетам. Каждый сделал заказ, кто на новую экспериментальную установку, кто на реактивы, кто на шкаф для архива. Дэвид Садноу заказал рояль. Ректор рассмотрел его просьбу и удовлетворил: в холле факультета социологии появился рояль. Садноу очень любил играть и много тренировался в джазовых импровизациях, так что за факультетским роялем он проводил очень много часов. Пока, наконец, настолько не овладел искусством импровизации, что его пальцы стали как бы сами исполнять музыку, а Дэвид Садноу почувствовал себя сторонним наблюдателем. Кончилось все тем, что в 1978 г. он опубликовал монографию «Привычки руки» (Sudnow 2001). Эта книга является в полном смысле трудом по этнометодологии и рассказывает о возможности и ходе импровизации. Но, тем не менее, во всех библиотеках она располагается на полках рядом с самоучителями игры на фортепьяно. Парадоксально, но это самая похвальная из возможных оценок этнометодологического труда.

В книге очень много иллюстраций с изображением рук на клавиатуре, а в тексте нет ни единого упоминания о нотной грамоте. Достаточно просто прочитать книгу и реализовать все описание, чтобы без какой-либо подготовки овладеть искусством импровизации на рояле. Так родился метод Садноу, который принес автору много денег, а более чем 20 тысячам его учеников — умение исполнять джаз. Я не буду подробно останавливаться на содержании книги и сути метода. Важно принять эту историю как иллюстрацию уже упоминавшегося идеального «требования от методов уникальной адекватности». Исследователь настолько углубился в контекст исследуемой практики, что сам стал профессионалом и, кроме того, создал труд, способный сделать профессионалом в этой области читателя. Этнометодологи всегда были очарованы профессионализмом и всегда старались быть ближе к своим так

* Plenum, plenty, plenilunium, — в избытке (Garfinkel 2002).

** Последней такой волной заимствования из этнометодологии были популярные концепции Б. Латура.

называемым информантам, нежели к научному сообществу, отчасти поэтому их книжки оказываются разбросанными по разным отделам библиотеки и редко стоят на социологических полочках. Такая же история происходит и в сфере подготовки этнометодологов. В штатах многих факультетов есть этнометодологи-одиночки, читающие свои курсы в качестве общей подготовки. Но специалистов-этнометодологов готовят на факультетах менеджмента, лингвистики, компьютерных технологий и прочих, — на всех, кроме факультетов социологии.

Усилия наших трех героев не пропали даром, сейчас их считают основателями этнометодологии, маститыми легендами. Этнометодология развивалась, следуя плану, заявленному в «*Studies in Ethnomethodology*» в трех направлениях: исследования рабочих мест (*Workplace Studies*, т. е. специфики занятий и профессиональной координации действий), анализ разговоров (*Conversation Analysis (talk-in-interaction)*, т. е. разговора как разговора-во-взаимодействии) и цехового уровня науки (*Science Shop Floor Level*, исследование того, как исполняется наука). Позднее в рамках этнометодологии родилась технометодология, основателем которой был Кристиан Хит (Heath, Luff 2000), отрасль, занимающаяся последствиями технологии на уровне повседневного взаимодействия. И множество прочих замечательных, оригинальных и современных направлений.

В конце этой небольшой статьи автор чувствует необходимость принять специальные меры, чтобы не способствовать дальнейшему непониманию этнометодологии. Данная статья ни в коем смысле не может считаться этнометодологической, т. к. в ней нет ничего, что могло бы попасть в копилку самой этнометодологии. Предметом рассмотрения не послужил конкретный поток рациональности и взаимопонимания, определяющий и демонстрирующий какой-либо конкретный феномен из жизни бессмертного общества. Мы не смотрели на это как на дюркгеймовский факт, т. е. как на ансамбль сиюминутных и местных проявлений. Автор не был озабочен проблемой утраты феномена в процессе его регистрации. Не переживал, что разговор об этнометодологии скроет от нас саму этнометодологию. А тем временем это происходит практически всегда, когда мы имеем дело с такими материалами, как транскрипт, запись или иной документ реальности. Автор был настолько увлечен сюжетными линиями, что претендовать на какой-либо анализ уже не приходится. Здесь я, подобно доктору Ватсону, лишь создала рассказ, но не провела расследования. После данной статьи читатель не сможет ни опроблематизировать феномен, ни сам воспроизвести его, следуя ходу изложения. Но это и не было моей целью, — в конце концов, лучшим самоучителем по этнометодологии остается правильно прочитанная книга Гарфинкеля, название которой можно перевести и как «Учебные упражнения по этнометодологии».

Литература

Серль Д. Рациональность в действии. М: Прогресс-Традиция, 2004.

Garfinkel H. An Overview of Ethnomethodology's Program // *Social Psychology Quarterly*. 1996. No. 59.

Garfinkel H. *Ethnomethodology's Program: Working Out Durkheim's Aphorism* / Ed. and Intr. by Anne Rawls. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2002.

Garfinkel H. Evidence for Locally Produced, Naturally Accountable Phenomena or Order?, Logic, Reason, Meaning, Method, etc. in and as of the Essential Quiddity of Immortal Ordinary Society, (I of IV): An Announcement of Studies // *Sociological Theory*. 1988. No. 6.

Garfinkel H. *Studies in Ethnomethodology*. N.Y.: Englewood Cliffs, 1967.

Garfinkel H. Wieder D.L. Two Incommensurable, Asymmetrically Alternate Technologies of Social Analysis // G. Watson, R.M. Seiler (eds.) Text in Context: Studies in Ethnomethodology. Newbury Park, etc.: Sage, 1992.

Have P. ten (2002, September). The Notion of Member is the Heart of the Matter: On the Role of Membership Knowledge in Ethnomethodological Inquiry (53 paragraphs). Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research (On-line Journal), 3(3). Available at: <http://www.qualitative-research.net/fqs-texte/3-02/3-02tenhave-e.htm> (Дата просмотра: Август 26, 2005).

Heath C., Luff P. Technology in Action. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Livingston E. Making Sense of Ethnomethodology. L.: Routledge and Kegan Paul, 1987.

Mullins N. C. The Development of Specialties in Social Sciences: The Case of Ethnomethodology // Science Studies. 1973. Vol. 3. No. 3.

Rawls A.W. Durkheim's epistemology: the neglected argument // American Journal of Sociology. 1996. No 102.

Richard J.H., Crittenden K.S. (eds.). Proceedings of the Purdue Symposium on ethnomethodology. Lafayette, Indiana: Purdue Research Foundation, 1968. Available at: <http://wwwmcc.murdoch.edu.au/aiem/purdue.pdf> (дата посещения: 26.08.2005).

Sacks H. Notes on Police Assessment of Moral Character // D. Sudnow (ed.). Studies in Social Interaction. N.Y.: The Free Press, 1972.

Sudnow D. Ways of the Hand: A Rewritten Account. Cambridge: Mass. M.I.T. Press, 2001.